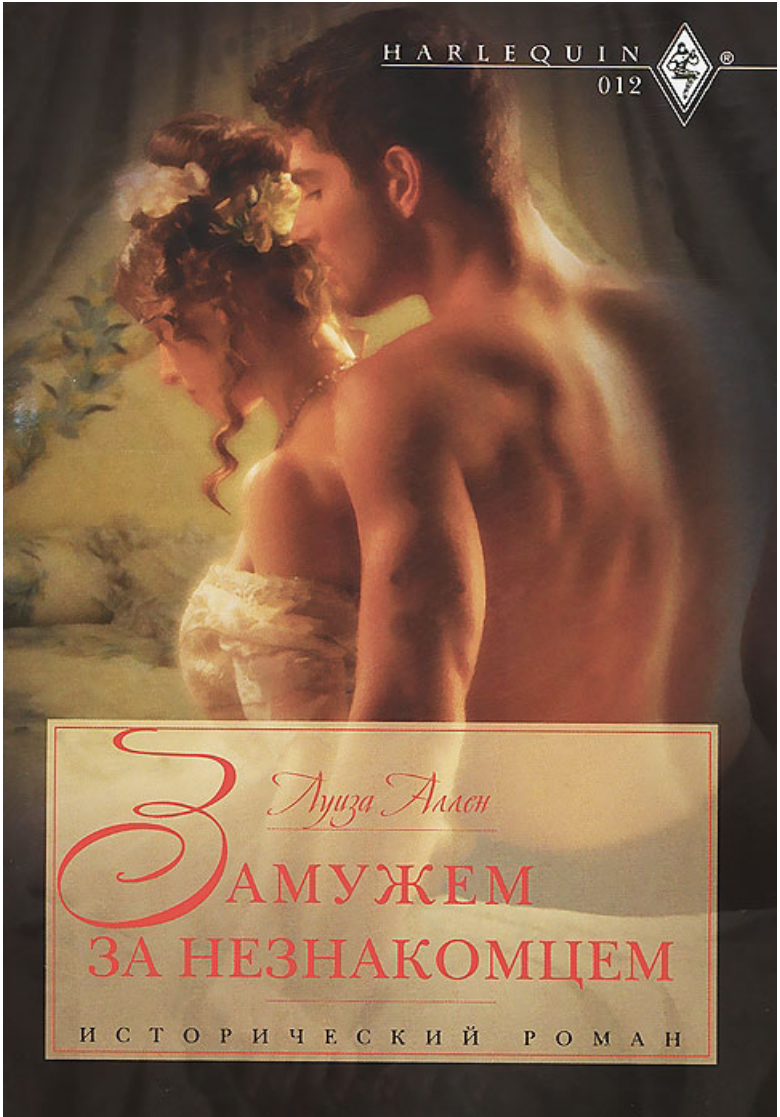
HARLEQUIN
012
Луиза Аллен
Замужем за незнакомцем
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Луиза Аллен

Замужем за незнакомцем

Серия «Исторический роман – Harlequin», книга 12
Серия «Опасность и страсть», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4567568
Замужем за незнакомцем: роман: ЗАО Издательство Центрполиграф; Москва; 2012
ISBN 978-5-227-03889-0

Аннотация

Каллум и Даниэль – братья-близнецы. София Лэнгли обручена с Даниэлем, но он погибает в кораблекрушении. Она надевает траур, не надеясь больше обрести любовь. Но в один прекрасный день на ее горизонте появляется Каллум. Он изменился – стал равнодушным и самовлюбленным незнакомцем, но София, увидев его после долгой разлуки, испытала странный трепет. Ее эмоции не имеют ничего общего с той целомудренной нежностью, которую она чувствовала к Даниэлю. Теперь в ней проснулась страсть. Что же касается Каллума, то у него свои виды на Софию. Им движет холодный расчет – желание произвести на свет наследника старинного рода Чаттертонов. Каллум предлагает

девушке сделку – замужество. Страсть и расчет вступают в поединок.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	39
Глава 4	57
Глава 5	70
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Луиза Аллен
Замужем за незнакомцем

Пролог

Хартфордшир, 1799 г.

– Я люблю Даниэля и буду ждать его возвращения, а потом выйду за него замуж! – София Лэнгли вызывающе посмотрела на Кэла. Ее маленькая грудь – когда только она успела у нее появиться – приподнималась и опускалась в вырезе старомодного платья, нос, по обыкновению, был вымазан углем.

– Послушай, это просто смешно. Вы оба слишком молоды.

Кэл подавил внезапное желание схватить ее, приподнять, как маленького худого котенка, на которого она была похожа, и встряхнуть как следует, чтобы привести ее в чувство. Он не мог понять, почему его брат-близнец обратил внимание на одну из дочек их соседа – мелкопоместного дворянина, вот на эту худышку, совсем еще ребенка.

– Ты не понимаешь меня. Впрочем, ты меня и раньше никогда не замечал, а когда приезжаешь к нам, то не обращаешь на меня внимания. А теперь вдруг решаешь, что для меня лучше. Мне уже семнадцать, а Даниэлю столько же, сколько тебе. – Она с возмущением смотрела на него, слегка прищурив голубые глаза – безусловно, самое большое украше-

ние ее внешности.

Он оставил этот детский лепет без ответа. Ну да, ей семнадцать и три дня, а ему восемнадцать, и он на десять минут старше своего брата-близнеца. Но в свои восемнадцать он был мужчиной и не вступал в перепалку с девушками.

– Почему ты считаешь, что я тебя не замечал? Мы всегда играли вместе, когда были детьми.

Она фыркнула. Он понял, что это означает. Она вечно крутилась около них, и они ее терпели, иногда брали в качестве принимающего игрока в крикете или когда надо было изобразить девушку, которую спасают от дракона, сарацинов или французов, но это никогда не делало ее полноправным участником игры.

– Мы оба уезжаем далеко и надолго. Ты вырастешь и встретишь подходящего молодого человека, влюбишься в него и выйдешь замуж.

Он пожалел о своих словах – это было бестактно. Она резко выпрямилась. Худенькая и высокая, она теперь достигала его подбородка.

– Ты просто высокомерный воображала. И как ты только можешь быть близнецом такого замечательного человека, как Даниэль, просто не понимаю, Каллум Чаттертон! Я люблю Даниэля и клянусь, что все равно выйду за него, а тебе желаю влюбиться по уши в девушку, которая разобьет твое сердце!

Она повернулась и хотела выйти, гордо подняв голову, но

споткнулась о край ковра, и эффект был испорчен. Он рассмеялся, и она вышла, сердито захлопнув за собой дверь. Кэл покачал головой и пошел возобновить прерванные сборы перед отъездом в Индию.

Глава 1

Хартфордшир, 5 сентября 1809 г.

– Это от Каллума Чаттертона. – София Лэнгли подняла глаза от листка бумаги, лежавшего на столе рядом с чашкой. Ее мать замерла удивленно, не донеся до рта тост. – Он пишет, что заедет сегодня вечером.

– Значит, он вернулся… – озабоченно сдвинула брови миссис Лэнгли. – Я думала, он не появится в Холле до марта.

– Да, он вернулся.

Она не могла понять, зачем этот человек, брат Даниэля, хочет приехать сюда спустя шесть месяцев после гибели ее жениха. Лорд Флэмборо мало о нем рассказывал – интересно, почему?

Уилл Чаттертон, граф Флэмборо, старший брат близнецов, был их ближайшим соседом, хорошим другом, слишком хорошим, подсказывала ей совесть, и именно он принес весть о гибели Даниэля. Ее жених погиб при крушении судна, которое везло братьев из Индии после десяти лет пребывания в этой стране. Они служили в Восточной Индийской компании. Уилл заботился о ней, пока она была невестой его брата, а теперь он ничего им не должен, раз Даниэль погиб.

София взглянула на руку без обручального кольца, выглядывавшую из узкого манжета ее утреннего пеньюара темно-зеленого цвета. Она носила черное три месяца и только

что перешла на полутраур. При этом до сих пор чувствовала себя лицемеркой, когда при встрече с ней друзья сочувственно вздыхали по поводу ее утраты, всячески выражая свою симпатию.

Когда после похорон огласили завещание, оказалось, что Даниэль в нем даже не упомянул о своей невесте. Этого не ожидали ни Каллум, который когда-то пытался отговорить ее от обручения, ни сам граф, который, как она подозревала, был тоже не в восторге от той поспешной помолвки. Десять лет ожидания – и ничего.

Каллум, долгое время находившийся в состоянии потрясения после гибели брата, попытался объяснить это беспечностью Даниэля и нежеланием вообще думать о том, что он когда-то умрет, что свойственно молодости, а не тем, что не любил невесту.

Но ее сердце подсказывало правду: Даниэль ее разлюбил. Она поняла это давно, как и то, что и ее сердце тоже охладело. Поэтому в душе была уверена: поскольку любви не было – он ничем ей не был обязан. Она не имела права на его наследство. Сама виновата, что оказалась в таком положении, надо было иметь мужество и честно признаться ему и самой себе в этом и разорвать помолвку, а не ждать долгие десять лет. Она давно могла бы выйти замуж и таким образом обеспечить и себя, и своих мать и брата. Может быть, еще не все потеряно, и она все-таки обретет свое счастье или, во всяком случае, семью. В ней шевельнулась надежда.

Наверное, и граф, и Каллум выделили бы ей долю из наследства Даниэля, заикнись она об этом, но просить не позволяли гордость и чувство вины. Это она настояла на помолвке, которая была ошибкой юности, а они пытались удержать их от этого шага.

Уилл регулярно наносил им визиты. Выражал сочувствие, пытался помочь – одолжил своего садовника, предлагал к их услугам свой экипаж, присылал овощи и фрукты из сада, но, поскольку она решительно отказывалась от его помощи, визиты становились все реже. Она всячески пыталась скрыть их бедственное положение, и до сих пор ей это удавалось. Но количество присланных счетов росло, а вежливые поначалу кредиторы становились все настойчивее. И София понимала, что подходит к черте, когда придется принять решение о своей дальнейшей судьбе.

– Может быть, он все-таки хочет выделить тебе часть доли Даниэля, – сказала миссис Лэнгли, делая вид, что это ее мало волнует.

– Не вижу причин для этого – он мне ничем не обязан. К тому же он по закону наследования не имеет на это права, – терпеливо объяснила София матери. – Владение он наследовал без права передачи и теперь не может расстаться даже с малой его частью. К тому же у него впереди карьера и женитьба, надо думать о себе. Он, вероятно, скоро женится, тем более если не собирается возвращаться в Индию.

– Да, ты права. – Мать вздохнула. – Ну что ж, скоро наш

милый Марк закончит учебу, будет посвящен в духовный сан, ему дадут приход, и все будет хорошо.

София не стала ее разубеждать. Марк, не имея влиятельного покровителя, вряд ли найдет себе приход с жалованьем достаточным, чтобы содержать себя, мать и сестру, да еще расплатиться с долгами. У него, к сожалению, нет ни энергии, ни особенных способностей, чтобы найти хорошее место самостоятельно; все, на что он может рассчитывать, – место викария в каком-нибудь промышленном городке или в сельской глуши. Ей придется теперь позаботиться и об этом.

Стараясь не думать больше о неприятностях, она заставила себя сосредоточиться на письме. Оно было кратким, написано твердым мужским почерком. Уведомляя без объяснений о визите, Каллум Чаттертон адресовал письмо именно ей, а не маме, заметила она вдруг, и был уверен, что она сможет его принять сегодня.

София поспешно сгребла всю почту, чтобы мать не успела заметить возросшее количество счетов. Откуда же их столько берется? Ведь она делает все возможное, старается изо всех сил экономить и хватается за любую возможность сократить расходы.

– Просмотрю потом, – сказала она с наигранной беспечностью в голосе. – Интересно, каким стал Каллум? – После его возвращения из Индии они почти не разговаривали.

София поднялась в спальню, заперла почту в своем письменном бюро и с облегчением вздохнула. Рано или поздно

придется поставить мать в известность, насколько плохи их дела, но не сейчас. Еще месяц она подождет, а потом напишет в Лондон, в агентство по найму. Они уже уволили своего ливрейного лакея, и это было потрясением для миссис Лэнгли, которая остро переживала постепенную потерю статуса семьи. Известие о том, что ее дочь собирается сама зарабатывать себе на жизнь, вызовет у нее настоящую истерику.

Спальня была светлой, просто обставленной, отделанной бело-розовым муслином. Девичья комната. «Но я уже не девочка, – думала она. – Мне двадцать шесть. Я старая дева без всякой надежды выйти замуж. Подходящих женихов за милю не видно».

Если бы она вовремя осознала последствия, когда поняла, что больше не влюблена в Даниэля! Надо было сразу ему написать, объяснить все, и они бы мирно разорвали помолвку, это не вызвало бы в обществе ни скандала, ни толков. Тем более что все были удивлены, когда ее отец позволил ей обручиться в столь раннем возрасте и с перспективой отъезда жениха на долгие годы.

Она была слишком пассивной и мирилась со своим неопределенным положением столько лет. Разумеется, за десять лет она изменилась – выросла, созрела, стала независимой и деловой, по мнению матери. Но что может сделать девушка, когда она и не старая дева, и не жена? Она много за это время узнала, имела собственное мнение, свои интересы

и свои мечты.

За десять лет ожидания она, конечно, не раз задумывалась о том, что время летит. Но это ее не огорчало, она терпеливо ждала, вела хозяйство и училась. Однако сейчас, думая о прошлом, она начинала сомневаться, испытывая иногда укол совести, – а было ли это терпением и смирением? Возможно, это был эгоизм, она просто наслаждалась спокойной жизнью, ждала будущего, как неизбежного, и ничего не искала. Друзья иногда выражали ей сочувствие по поводу ее вынужденного одиночества, восхищались ее стойкостью, удивлялись, что она никогда не жаловалась. Ее выручало увлечение рисованием: все свое свободное время, всю свою энергию она вкладывала в совершенствование своих художественных навыков.

На столе лежал раскрытый альбом для набросков, и на первой странице был ее автопортрет, который она нарисовала несколько дней назад. София смотрела на себя критическим взглядом, оценивая свою внешность. Вывод был явно не в ее пользу, но она никогда и не обольщалась. За годы отсутствия Даниэля она выросла – вытянулась, но не приобрела округлых форм, оставалась скорее худой, и ее корсаж так и не заполнился заманчивыми выпуклостями. Рост, пожалуй, превышал норму, принятую считаться модной, нос слегка длинноват, рот большой. Но глаза были ничего. Ими она осталась довольна. Они стали темнее, приобрели еще более красивый, темно-голубой оттенок, а возможно, так казалось

из-за черных ресниц и волос, которые тоже потемнели, и она превратилась из темной шатенки в брюнетку. София перевернула страницу и стала рассматривать портрет мужчины. Когда она получила известие о скором возвращении Даниэля, она решила нарисовать его, изучив вначале эскиз, который сделала до отъезда братьев в Индию. Это был неважный рисунок – теперь она видела это. Но на его основе можно было изобразить мужчину двадцати семи лет, в которого он превратился со временем. К этому моменту она уже твердо знала, что больше не влюблена в него, но тем не менее продолжала считать, что ее будущее предопределено:

Даниэль приедет, женится на ней и даст ей положение в обществе. Его семья, занимавшая высокие посты в Восточной Индийской компании, сможет погасить долги, заставить замолчать всех кредиторов. Когда произошла трагедия и домой вернулся один Каллум, она была слегка потрясена, впервые увидев его после долгого отсутствия. До того как он покинул имение и уехал в Лондон, они встречались всего несколько раз, но все же она заметила: его сходство с нарисованным ею портретом погибшего жениха было пора зительным. Он возмужал, избавился от юношеской угловатости, у него была сильная мужская стройная фигура, твердый взгляд карих глаз, в глубине которых пряталась боль и таился опыт, приобретенный за годы; волевой рот. Только волнистые густые каштановые волосы были прежними, непокорная прядь падала на лоб, как и у Даниэля.

София вспомнила, как накануне отъезда в Индию он пытался отговорить ее от преждевременной помолвки. И снова ее кольнули угрызения совести. Как ни странно, но в ее памяти часто всплывали проницательные карие глаза, окидывающие ее оценивающим взглядом. Вывод был не в ее пользу, она это прекрасно понимала. Естественно, что он потом и не думал о ней. Вспомнила она и свою клятву: «Я люблю Даниэля и выйду за него».

Но когда она рисовала портрет жениха, пытаясь представить, каким он стал, ей вдруг пришло в голову: когда он вернется, она честно признается ему: «Я больше не люблю тебя и не хочу выходить за тебя». Потрясенная этой мыслью, она как будто освободилась от тесного кокона и бабочкой выпорхнула на свободу в полный опасности, но прекрасный мир.

И тут же одернула себя. Это всего лишь сон, мечта. Не может леди взять и покинуть джентльмена, с которым обручена. Это будет с ее стороны черной неблагодарностью, особенно после стольких лет ожидания. Никто ведь не ждет браков по любви, любовь не является обязательным условием… И ни одна хорошая дочь не станет пренебрегать долгом, вдруг заявив, что, раз больше нет любви, она не станет выходить замуж. Нет, она не отбросит годы ожидания и не отвергнет союз, который может обеспечить семью, и, кроме того, она не останется старой девой в двадцать шесть лет без всякой надежды на новый брак. Каким бы мужчиной ни стал Дани-

эль, святым или грешником, выйти за него – ее долг.

Неожиданно трагедия оборвала его жизнь и тем самым освободила ее единственно приемлемым для общества способом, но оставив в еще большем душевном смятении.

В ее голове зародилась опасная идея: что, если ей начать зарабатывать, используя свой талант – не преподавать девочкам уроки рисования, а по-настоящему – продавать свои картины, предлагая их в картинные галереи? Ее сердце учащенно билось, но теперь не от любви к мужчине – оно трепетало, когда она брала карандаш, чтобы воплотить свое видение в рисунок, вдохнуть в него жизнь. Она даже мечтала про себя: каким-то образом предложить услуги в качестве художественного оформителя книжному издательству, например знаменитому Джону Мюррею или мистеру Аккерману, известному издателю.

Пока это оставалось только мечтаниями. Она понимала их нереальность и напоминала себе: леди не зарабатывают таким образом, коммерция не для них, и, кроме скандала, она ничего не приобретет. После этого перед ней закроются все двери.

София бросила пачку счетов на стол и принялась расхаживать по комнате. Но и это не помогло, потому что ее взгляд то и дело натыкался на сундук с приданым. Он был полон постельного белья, каждый предмет, каждая простыня, наволочка, полотенце имело в нижнем углу вышитый фамильный герб семьи Даниэля. Там было нижнее белье, но-

совые платки, ночные рубашки и саше, перчатки и прочее. Десять лет ушло на сборы этого сундука, каждая вещь была расшита кружевами или украшена вышивкой, все собрано по непременному списку приданого, предлагаемому известным дамским журналом.

Это было похоже на странную игру из мира фантазии. Собирать десять лет приданое и остаться у разбитого корыта. Дорого обошлась ошибка, совершенная в юности, но теперь сама жизнь расставила все по своим местам. Придется быть самостоятельной и рассчитывать только на себя. София винила только себя. Чего она ждала все эти годы? Почему не разорвала помолвку, тяготившую и ее, и наверняка Дэна, и не нашла себе другого мужа? Тогда не оказалась бы сейчас в положении старой девы, без надежды на замужество. Будь у нее муж, не пришлось бы ей со страхом каждое утро ждать почту.

София села за стол и задумалась. Нельзя игнорировать то бедственное положение, в котором они оказались, это только усугубит ситуацию. Умолять Уилла, лорда Флэмборо, помочь им, выделить небольшую часть состояния Даниэля? Но это означает пожертвовать своей независимостью, уважением к себе, пренебречь своей гордостью. Попытаться зарабатывать на жизнь ремеслом художника – тогда жди скандала в обществе, даже друзья не поймут ее, не простят такой экстравагантности. Все от нее отвернутся.

– Мистер Чаттертон, добрый вечер. – Она положила альбом рядом с собой на садовую скамейку и мимо цветочных клумб поспешила ему навстречу.

София заранее вышла в маленький садик перед домом, притворяясь, что срезает цветы. Иначе ей самой пришлось бы открывать ему дверь, потому что, кроме кухарки, в доме теперь была единственная служанка, которой приходилось делать всю работу по дому.

– Мисс Лэнгли. – Каллум спрыгнул с лошади, перекинул удила через забор и вошел в калитку. Он снял шляпу и без улыбки, с серьезным выражением лица взял в свои руки ее протянутую руку. – Надеюсь, у вас все в порядке.

– Все хорошо, благодарю. – Она так широко улыбнулась, словно надеялась отвлечь его внимание от своего старенького, выцветшего от многих стирок домашнего платья. – Ты выглядишь по-другому, гораздо лучше, с тех пор как я видела тебя последний раз.

Последний раз они виделись полгода назад, перед его отъездом в Лондон. Загар, приобретенный за долгие годы пребывания в Индии и во время недавнего морского путешествия, уже немного побледнел, лицо было спокойным, его больше не искажала страдальческая гримаса, в глазах не было прежней боли, и София вдруг заметила, что он очень привлекательный мужчина. И теперь, когда он стоял так близко и все его внимание было обращено на нее, она вдруг почувствовала волнение, пульс участился, и она поняла, что крас-

неет. Скорей всего, это потому, что ей нечасто приходилось встречаться с мужчинами.

Каллум, наверное, считает ее полным ничтожеством, хотя, разумеется, никогда этого не покажет.

– Да, для меня это было тяжелое время, – признался он, – но я его пережил и сейчас способен с благодарностью вспоминать все хорошее, что было в прошлом, и думать о будущем.

Она заметила, что он все еще удерживает ее руку, но почему-то ей не хочется ее отнимать…

– Я рада, что боль уходит и душевная рана постепенно затягивается. Потерять брата – для любого тяжелая утрата, но лишиться брата-близнеца…

– Да, но не все это понимают, и я благодарен тебе за сочувствие. – Он положил ее руку на свой согнутый локоть. – Летний домик все еще стоит?

– Летний домик? О да, разумеется. – Ее удивила неожиданная перемена темы, и она не выказала неудовольствия, когда он повел ее вокруг дома. – Как странно, что ты помнишь о нем. Мы с Даниэлем любили там прятаться, сидели и думали, что родители не догадываются, где мы.

Домик стоял на прежнем месте, только немного обветшал. Двери были увиты мелкими желтыми розами. Когда-то она собиралась украсить ими свадебный наряд.

Двери были не заперты. Она открыла их и вошла, он последовал за ней, и они оказались в небольшом пыльном по-

мещении.

– Он выглядит не таким уж романтичным, каким когда-то нам казался. Прости, но здесь много пауков и прочих мелких тварей.

– Я до сих пор не устаю удивляться после Индии, какие маленькие в Англии насекомые. – И он как будто нехотя улыбнулся. Это была первая улыбка, которую она увидела на его лице. – Мы можем присесть и поговорить?

– О, разумеется. Я прикажу сейчас подать сюда что-нибудь прохладительное. И может быть, надо позвать маму?

– Благодарю, не надо никого звать. – Каллум поставил два стула рядом, смел пыль с сидений своим платком, положил на одно из них свою шляпу и хлыст и подождал, пока она сядет. – Ты ведь не считаешь, что тебе нужна дуэнья?

– Нет, конечно. Я знаю тебя так давно, что ты мне почти как брат.

Он приподнял бровь:

– Уверяю тебя, София, что мои чувства к тебе никогда не были братскими.

Его слова смутили ее. Он стоял рядом, и она вдруг ощутила неловкость от его близости в столь тесном помещении.

– Как поживает граф?

– Благодарю. Он здоров. Кажется, вы давно с ним не виделись?

Она действительно избегала Уилла, тяготилась его участием, а главное, боялась, что в какой-то момент не выдер-

жит и проявит слабость, попросив о помощи. Хотя, возможно, и он сам, обнаружив, в каком бедственном положении находятся Лэнгли, сочтет долгом чести им помочь…

– Он был так добр… – пробормотала она. – Ты был все это время в Лондоне. Уехал сразу…

– После похорон. Да, мне предложили руководящую должность в Восточной Индийской компании на Лиденхолл-стрит. Придется много работать, и это поможет мне скорее забыть свое горе. Тем более что работа мне нравится.

– Я рада за тебя, – вежливо отозвалась она, не понимая, какое отношение это имеет к ней, хотя она была действительно рада, что он выздоравливает после трагедии. – Как приятно, что твои способности оценили по заслугам.

Он уже не был тем мальчиком, который играл в крикет на лужайках Флэмборо-Холл, как и тем молодым человеком, устремленным на карьеру и предвкушавшим поездку в Индию.

– Спасибо. Я купил дом на Хаф-Мун-стрит. Очень фешенебельный район. Рядом с парком Сент-Джеймс.

– Вот как?

– И теперь в новой жизни мне не хватает одного. – Он рассеянно огляделся вокруг – было видно, что его мысли далеки от этого ветхого пыльного помещения.

– И?.. – подбодрила она его, не зная причины его заминки.

– Жены. – Каллум Чаттертон вдруг повернулся, глядя ей прямо в глаза. Ни следа нерешительности.

Она снова смутилась под его пристальным, изучающим взглядом.

– Жены, – повторил он. – И я спрашиваю, окажешь ли ты мне такую честь, София?

Глава 2

– Я? – От удивления она приоткрыла рот, и ее лицо приобрело комическое, глуповатое выражение. Кажется, и его удивила такая реакция и заставила усомниться, не ошибся ли он в этой умной, уверенной в себе женщине, которую встретил полгода назад по приезде из Индии. Опомнившись от удивления, она наконец закрыла рот и серьезно спро сила: – Почему вы хотите жениться на мне, лорд Чаттертон?

О нет, он не ошибся: она, безусловно, обладала такими качествами, как интеллект и храбрость. А София уже пришла в себя, встревоженная, удивленная его неожиданным предложением, но не позволила себе показать свое волнение. Он вспомнил, как впервые увидел ее после возвращения из Индии. Тогда ему было не до нее – он недавно пережил кораблекрушение, провел в воде долгие часы, полные отчаяния, голос его охрип от крика – он звал брата, которого унесло в море.

София упала в обморок, узнав ужасную весть, но быстро пришла в себя и ухаживала за матерью, которая время от времени впадала в истерику. А он был настолько погружен в собственные страдания, что не мог оказать ей поддержку и выразить сочувствие, но машинально отметил ее способность сдерживать эмоции, сохраняя внешнюю благопристойность и благоразумие.

Он почти ничего не рассказывал о случившемся и был благодарен ей, что она не стала его упрекать и обвинять в том, что он не смог спасти брата и ее жениха.

– Я был на палубе, а Даниэль в одной из шлюпок: помогал спускаться в нее женщинам, – кратко объяснял он тогда. – Огромная волна накрыла всех и унесла в открытое море. Я не смог его найти.

– И ты прыгнул в воду? Ты пытался спасти его? – спрашивала она, и он видел ужас в ее глазах. И снова перед ним предстала жуткая картина: огромные волны бушующего моря, темнота, скрип шпангоутов и крики тонущих…

– Разумеется. – Он смотрел на нее невидящим взглядом. – А как, по-твоему, я мог еще поступить?

Она протянула руку и погладила его по щеке, теп лые пальцы будто обожгли кожу, ставшую вдруг ледяной.

– Тебе надо согреться, иначе ты заболеешь.

Недели спустя, когда ледяной холод внутри начал растапливаться, он вспоминал ее прикосновение и желание утешить его, заботу о нем, хотя она и сама нуждалась в тот момент в утешении и сочувствии.

Постепенно воспоминания о той страшной ночи блекли, он заново учился жить, смирившись с потерей.

Кэл понимал, в каком тяжелом положении оказалась София после смерти жениха. Он настойчиво просил Дана, когда сам приводил в порядок свои бумаги, сделать то же самое и переделать завещание, упомянув там невесту, но тот

отмахнулся – у него еще будет для этого время. Впрочем, он обещал брату, что займется этим. И добавил, что не собирается умирать, к чему тогда спешить с завещанием? Он избежал тех тропических болезней, которые поджидают европейцев в Индии, не был укушен, ужален, съеден дикими животными – так о чем Кэл так волнуется? В крайнем случае, если с ним что-то случится, брат позаботится о Софии, он уверен в этом.

– Разумеется, я о ней позабочусь, – говорил Кэл. – Как о своей собственной сестре или невесте, клянусь. И все-таки…

Но Дан так и не навел порядок в делах, не притронулся к завещанию и впоследствии. Да и он, вернувшись один, к сожалению, ничем не помог Софии. Он был слишком погружен в собственное горе, рядом с ним образовалась черная дыра – место, которое занимал погибший брат. Но когда он пришел в себя, совесть напомнила о Софии.

Кэл вглядывался в молодую женщину, стоявшую перед ним в своем стареньком застиранном платьице и смотревшую на него настороженно темно-голубыми глазами. Она выросла, превратилась в женщину, но все еще оставалась тоненькой и бледной.

– Когда я впервые почувствовал, что снова живу, то заглянул в будущее и решил, мне надо жениться. Мне скоро двадцать восемь. Я не могу в одиночку вести дом, включая приемы, визиты, и уделять время карьере. И жена… Это вполне

логично.

Хотя он и знал, что с женой будет скучновато после тех месяцев бесконечной череды женщин, которыми пытался согреть свою постель, скоротать бессонные длинные ночи, когда он боялся уснуть, чтобы не погрузиться в кошмар.

– Я все понимаю. – В ее глазах мелькнул лукавый огонек. – Но почему я? Ты – брат графа, ты живешь в Лондоне, там полно молодых леди, которые хотят замуж, ты для них выгодный жених, так что выбор у тебя огромный. И прости за прямоту, но они моложе, и у них впереди больше лет, когда они будут способны подарить тебе наследников. Ведь ты думаешь о наследниках, не правда ли?

Ему нравились ее откровенность и прямота, и он ответил ей так же честно:

– Я не хочу всех этих прелюдий, ухаживаний, долгих обручений, а мы могли бы обойтись без этого.

Она немного покраснела, ее губы искривились в легкой усмешке. Слава богу, она обладала чувством юмора.

– И все же я повторяю вопрос, – настаивала София, снова став серьезной и сдвинув задумчиво брови. – Почему ты хочешь жениться именно на мне? Сезон, правда, закончился, но я уверена, что ты найдешь жену в Лондоне, если захочешь.

– Во-первых, ты мне подходишь. И во-вторых, это мой долг перед братом, – признался он. – Даниэль хотел бы этого. Я обещал ему исполнить его волю, но потом ушел в свои

переживания и забыл об обещании.

А ведь Даниэль любил эту женщину, хотя относился к ней легкомысленно.

– Что? – возмутилась она, прервав его мысли. – Ну уж нет! Произошел несчастный случай, трагедия, и никто мне ничего не должен. И я не жду ни от кого помощи и уж тем более чтобы ты на мне женился, Каллум Чаттертон! Ты никогда не интересовался мной, ни в детстве, ни в юности.

Она вскочила, щеки ее пылали, в глазах сверкало негодование. Он не двигался с места и не делал попыток успокоить ее. Кэл понимал, что ее гордость уязвлена, и еще он заметил, что в своем возмущении она очень похорошела. Пожалуй, он был слишком прямолинеен и нечаянно оскорбил ее.

– Но я честен с тобой и предлагаю тебе, скажем так, брак по расчету.

– Очень благородно с твоей стороны.

Его восхищало ее самообладание, ее сдержанность. У нее было чувство достоинства и храбрость. И вдруг он заметил, что гнев в ее глазах сменился неуверенностью.

– Давай уточним. Ты имеешь в виду, что в брак не входит постель?

– Ну почему же, разумеется, я хочу разделить с тобой постель и заниматься с тобой любовью, София.

Ее голубые глаза расширились. Она настолько целомудренна? Это только подхлестнуло его интерес. До сих пор он имел дело с искушенными женщинами, и невинная жена

принесет разнообразие и оживит чувства.

Она взяла себя в руки:

– Прости, но я не считаю для себя возможным принять столь лестное предложение.

– А я-то думал, что у тебя больше здравого смысла и ты не ждешь от меня романтической чепухи, – сухо заметил он. – Говорить тебе о чувствах, которых я не испытываю, было бы лицемерием, я не жду подобных изъявлений и от тебя. Так что давай будем честны до конца. Ты ведь не давала обета целомудрия? – Она нахмурилась. – Тогда за кого ты собираешься выходить замуж? За местного сквайра? Кюре? Вместо такой жалкой участи ты можешь стать невесткой графа и жить обеспеченной жизнью, которую я могу тебе предложить.

– Давай пока оставим в покое ту выгоду, которую я могу извлечь из брака с тобой. – Она отвернулась, глядя на запущенный сад. – Тебе всего двадцать семь. Зачем тебе невеста без состояния, связей, старая дева? Чтобы успокоить свою совесть? Подумай, любая с готовностью согреет твою постель.

Он стал очень серьезным.

– В твоем лице я обрету жену с элегантными манерами, умную, обладающую храбрым сердцем и большим самообладанием, – сказал Кэл. Он видел только ее щеку, которая стала пунцовой, как пион, и понимал, что преувеличил. Тем более что сейчас она была далеко не элегантна в своем ста-

ром платье. – И я буду удовлетворен и спокоен, что поступил так, как хотел бы от меня брат. – Он помолчал. Что ж, она заслуживает полной откровенности. – Я не ищу в браке любви. И не льщу себя надеждой, что способен на такие чувства вообще. После того кораблекрушения какая-то часть меня умерла вместе с Даном. Ты меня знаешь с детства и понимаешь: потеряв брата, я лишился частицы себя. Я не смогу полностью отдаться чувству и полюбить – ни женщину, ни даже своего старшего брата.

Она подошла к двери и остановилась, ухватившись рукой за косяк, как будто боялась упасть. Но молчала.

– С тобой, – продолжал он, – учитывая твою зрелость и нашу общую потерю, я могу надеяться, что брак будет приемлем. Не уверен, что это будет так, женись я на девушке, которая грезит о первой любви и нежных чувствах.

Она не отвечала.

Сколько еще он собирается ее мучить, напоминая вновь и вновь о ее потерянных мечтах и упущенных годах, вертелось у нее в голове.

А Кэл вспоминал, как десять лет назад она дала слово ждать Дана. И она ждала. Была верна клятве, которую дала в тот далекий день в 1799-м, когда он предпринял неуклюжую попытку отговорить ее не обручаться с Даном, не делать ошибки. Что ж, его опасения были не напрасны и подтверждены прошедшими годами.

Дану давно следовало вернуться и жениться на Софии, ес-

ли уж он не хотел рисковать ее здоровьем, увозя в Индию. У нее были бы положение в обществе, состояние, может быть, дети, даже если бы он приехал домой на время, а такая возможность существовала. Значит, не было глубокого чувства. У Дана было одно желание – как можно дольше сохранить свою свободу, и полное отсутствие чувства ответственности за кого бы то ни было, кроме брата. Кэл мог заставить его вернуться и выполнить долг перед невестой, но не сделал этого, потому что тоже был эгоистом, не хотел делить брата с женой и детьми.

Он женится на Софии, если она примет его предложение, потому что это будет правильным и честным поступком. Но он не станет утешать ее, собирать осколки ее разбитых мечтаний – слишком жива еще его собственная боль от потери брата.

В любом случае сама жизнь подсказывает необходимость жениться. На нем лежит ответственность за два наследных владения, пока они находятся под опекой. Но женитьба требует обязательных процедур, которые заранее вызывают у него тоску: придется ухаживать, выполнять все светские формальности, притворяться и объясняться в любви. С Софией все легче и проще, и это сразу решит и его, и ее проблемы.

Было бы намного легче, окажись он способным на эмоции, но они его покинули, оставив темный провал в душе, образовавшийся от непрерывных страданий и сожалений.

Он утратил способность к сопереживанию и сочувствию. Впрочем, он может понять боль своего брата, Уилла, но не Софии. В остальном же он вернулся к жизни: много работал и добился определенных успехов, ум его оставался острым, ожили прежние амбиции. Он уже планировал будущее, с удовольствием проводил время в обществе друзей и коллег, с аппетитом ел, следил за собой, собирался создать свой собственный семейный очаг, оставив в прошлом холостяцкие утехи.

София все еще стояла у двери, и вдруг солнце позолотило ее волосы, и сквозь тонкую ткань платья проступили очертания ее фигуры. Потом она обернулась, и в ее взгляде он увидел неуверенность и настороженность, которой раньше не было. И вдруг неожиданно его охватило желание, кровь зашумела в ушах.

– Ну как, София? – Он приблизился к ней, подол ее юбки коснулся его ботинок. – Назначим дату?

– Мистер Чаттертон, Каллум, я не могу выйти за тебя.

Она не стала вдаваться в пространные объяснения, обошлась этой короткой фразой. Не стала говорить о том, что у него не должно быть никакого чувства долга перед братом. Ведь она не любила Дана и испытывала сейчас глубокое чувство вины и стыда за тот необдуманный поступок в юности. Дан тоже не любил ее, хотя, как джентльмен, не мог первый разорвать помолвку, а она чего-то ждала, тянула время и не

рискнула объясниться.

– Я понимаю твои чувства к Даниэлю, они делают тебе честь, но мешают принять решение. – Каллум говорил деловым тоном, как будто обсуждал цены на чай. – И все же я стану тебе хорошим мужем, поверь. Я уже решил, что остаюсь в Англии, тебе не придется жить в нездоровом климате или терпеть долгие расставания.

Он считает, что она не может переступить через любовь к его брату. Откуда ему было знать, как непостоянна она была в чувствах? Да, она поклялась когда-то, что будет вечно любить Даниэля. И какой вывод он должен сделать теперь? Конечно, она не станет сейчас разубеждать его и удивлять неожиданным заявлением, что, оказывается, не любила Дана. Это нанесет ему еще одну рану, когда не до конца затянулась прежняя. Он продолжал что-то говорить, но она не слушала его, думая о своем, и теперь спохватилась и с трудом сосредоточила внимание.

– Мне нужна жена такая, как ты: понимающая, благоразумная… хорошо меня понимающая! Мы можем тихо, без всякой шумихи пожениться, получив разрешение.

Он все обдумал.

– Ты все продумал, – у нее пересохло во рту, – как это предусмотрительно! Но что касается моего благоразумия и дружеского отношения, должна признаться, я в себе сомневаюсь… Понятия не имею, насколько у меня хватит ума и терпения.

Все в ней кричало: «Не спорь с ним, тебе нужен муж!» Разве не об этом думала она бессонными ночами, перебирая возможные выходы из сложившегося положения. Ее охватывала паника при одной мысли о кредиторах, о том, что нет ни одного человека на свете, кто может оплатить их долги. Пройдет бог знает сколько времени, прежде чем она сможет из жалких денег, которые платят гувернантке, сэкономить нужную сумму. Скорей всего, никогда. Но выйти за мужчину, который предлагает ей брак по холодному расчету, из чувства долга…

– Я не могу выйти за тебя, потому что ты делаешь предложение под влиянием минутного порыва, сочувствия и долга.

– Я никогда не совершаю серьезных поступков, повинуясь импульсу.

Он, кажется, впервые сделал попытку улыбнуться, губы его искривились.

– Тем более по доброте душевной, – вызывающе бросила она.

– Похоже, мне не свойственны такие порывы, – подтвердил он, и вдруг она ощутила на себе его взгляд, мужской, оценивающий.

Кажется, он был уверен в себе и не ожидал отказа. Она прикусила нижнюю губу, сдерживая свой гнев. Она ведет себя неблагоразумно, но ведь никто, кроме нее самой, не может решать ее судьбу.

– Значит, мои чувства по отношению к твоему брату тебя

мало трогают?

– Возможно.

Кажется, он не хочет углубляться в эту тему. Вполне вероятно, она ему настолько безразлична, что его совсем не беспокоит, любит ли она еще Дана. По его мнению, брак не обязательно означает глубокую физическую привязанность двух людей.

София отвела взгляд от его широких плеч, длинных сильных ног, невольно подумав: да, этот человек очень привлекателен. И все же это не причина выходить за него, тем более что он не испытывает к ней влечения и вряд ли будет испытывать в будущем. Жена всего лишь теплое тело в постели, исполняет покорно супружеский долг и производит детей.

Похоже, она выдержала смотр, хотя и не заставила его загореться желанием.

Это был еще худший вариант, чем в случае с Даниэлем. Холодный расчет. Она напомнила себе, что Каллум по своему воспитанию и своему профессиональному интересу – торговец. Он и брак рассматривает как деловую сделку, как контракт.

– У тебя ведь финансовые проблемы. Разве я не прав?

Лучше отвечать честно, спрятав подальше свою гордость.

– Да, у нас долги. Их так много, что нам не справиться. Я хотела найти себе работу гувернантки или компаньонки.

– Я этого ожидал, хотя и не думал, что дела обстоят так плохо. Не волнуйся, я позабочусь об этом.

Она извлекала из сделки большую выгоду, чем он, потому что приносила в жертву только себя и не считала, что стоит многого. Это был ответ на ее ночные мольбы. Но почему тогда внутренний голос в ней протестует? Это блестящая партия, любая молодая, воспитанная, образованная девушка мечтает о таком женихе, как Каллум. Любая ухватилась бы за этот шанс и возблагодарила судьбу, потому что второго такого могло и не быть.

Но она была другой. В браке ей хотелось встретить любовь, понимание и дружбу. Сердце подсказывало, что надо отказаться вежливо, но твердо и положить конец этому унижению, но голова и трезвый расчет удерживали от необдуманного, поспешного решения.

– Я должна подумать, – услышала она свои слова.

– Но о чем тут думать? – Он, кажется, был неподдельно удивлен ее сопротивлением и уклончивым ответом. – Это касается твоей матери? Ты ведь думала о том, что с ней будет, когда вернется Дан? Наверняка есть родственники, которые составят ей компанию.

– Ну, пожалуй, кузина Летисия будет счастлива переехать сюда, она всегда об этом мечтала.

Каллум кивнул:

– Прекрасно.

– И все-таки я не могу понять, как ты можешь так спокойно относиться к тому, что я была помолвлена с твоим братом? – София протянула к нему руки, как будто пытаясь про-

никнуть через стеклянную стену, которую он воздвиг между ними. – Я не буду напоминать тебе о Даниэле?

Он смотрел на ее руки, но не торопился взять их.

– Я уже все сказал тебе *о своих чувствах*. Я преодолел свою скорбь и надеюсь, что не настолько глуп, чтобы ревновать к *твоим чувствам*. Если ты скажешь, что не можешь выйти за меня только из-за своей любви к нему… – Фраза повисла в воздухе – он оставил ей лазейку для отхода.

И чем бы эта ложь обернулась для всех них? Несчастьем для нее, матери и для Марка тоже. София покачала головой:

– Нет, это не так. Я знаю, что он… Я уже смирилась с его уходом, это было неожиданно, больно, и мне нужно время, чтобы забыть обо всем.

– Время не на твоей стороне. Ты ведь не вдова с его детьми.

Он сказал это так обыденно и с такой холодностью, что до нее не сразу дошел смысл сказанного, и только спустя некоторое время она осознала: ведь он предупреждает, что это ее последний шанс иметь детей, она никогда не станет матерью, если упустит его.

А он продолжал, не замечая ее смятения:

– Думаю, тебе поможет принять решение вот что: разумеется, у меня есть дом в Лондоне, но, кроме него, еще два поместья в сельской местности. Я покажу их тебе, ты сама выберешь, куда захочешь переехать, если нам вдруг не понравится городская жизнь. Давай съездим туда и решим, где

станем жить сами, а что можем сдать в аренду.

– Выберем, где будет жить? – Как все быстро он решил за нее. – Но Лонг-Веллинг был всегда твоим, не так ли?

– Им занимался мой отец, потом Уилл. Я ведь, как ты знаешь, был в Индии, а вернувшись, полгода провел в Лондоне. Ни к одному дому я не привязан, и оба свободны.

Свой дом, в котором она станет жить с этим человеком… Внутренний голос нашептывал, искушая, что ей будет уютно в его сильных объятиях, что он будет надежной опорой. И она наконец сможет испытать физическую близость с мужчиной. Он даст ей детей. Надежность. Но правильный ли это будет выбор?

– Вижу, тебе нужно время подумать. – Она вдруг очнулась и увидела, что он собрался уходить – уже взял шляпу, хлыст и перчатки, – а она даже не заметила. – Я вернусь завтра утром. До свидания, София.

– До свидания, Каллум…

– О, кажется, я кое-что забыл. – Он наклонился и поцеловал ее, коротко, но сильно прижавшись губами к ее губам. – Ты этого хотела?

– Я не знаю. – Она смотрела на него, с трудом удерживаясь, чтобы не провести по губам языком – ей хотелось ощутить его поцелуй на вкус. – Я сама не понимаю, чего хочу. И что должна делать. Своим неожиданным предложением ты перевернул весь мой мир.

– Превосходно. – И он, не оглядываясь, зашагал через лужайку.

Она наконец уступила своему желанию и быстро облизала губы. Вкус был незнакомый, чужой и тревожный, с привкусом кофе. «Превосходно? Ах ты, упрямый, самоуверенный, невозможный человек! Ты, кажется, и не слушал меня».

Глава 3

На следующее утро, сидя в большой гостиной с окнами на улицу, она пыталась разобраться в своих запутанных мыслях. Можно было негодовать на Каллума за то, что он решил все за нее. Но ведь нельзя отрицать и тот факт, что он прав, хотя ей трудно было в этом признаться самой себе. Она испытывала уважение к его чувству долга перед погибшим братом. И сознавала, что у нее есть свой долг – перед семьей, и лучше всего принять такое выгодное предложение. Решиться на этот брак.

Если бы у них были деньги! Мысли о безвыходности их положения день и ночь крутились в ее голове. После смерти отца торговцы поначалу были терпеливы и не требовали оплаты счетов. К тому же она была помолвлена с сыном графа. Но за последние шесть месяцев положение изменилось – они узнали о том, что произошло, и свадьбе не бывать, поскольку жених погиб. Правда, они надеялись, что она выйдет удачно замуж и влиятельная семья ее мужа оплатит долги. Но если она откажет Каллуму, за кого ей выходить?

Местное окружение не давало выбора: несколько мелких фермеров-землевладельцев, гораздо старше ее, викарий, пара вдовцов, но ни один из них еще не проявил к ней интереса. Брак с Каллумом откроет ей сразу все двери, и мир распахнется, охотно принимая ее. Мать будет счастлива.

И еще одна мысль тревожила ее – она находила Каллума Чаттертона очень привлекательным. Мало того, ее влекло к нему. Все вместе – и долг перед семьей, и неясное чувство физического влечения – кричало: «Соглашайся!» Но сердце и голос разума говорили «нет», он руководствуется холодным расчетом и долгом, он не испытывает к ней никаких чувств. Скрип гравия под окном вывел ее из раздумья, оставив в такой же нерешительности, как и раньше. Она так и не пришла ни к какому выводу.

– Мистер Чаттертон, – доложила служанка и, впустив Каллума, закрыла дверь.

В кожаных бриджах, сапогах и куртке для верховой езды он выглядел стопроцентным английским сельским джентльменом, возможно, этому способствовал оставшийся темный загар. В золотисто-карих глазах притаились искорки – это был охотник, а она – добыча. Хотя ради ее же блага, разумеется, но добыча.

– Доброе утро, София. Я приехал в коляске, поедем прокатимся? Погода чудесная, и на природе мы сможем поговорить свободнее и откровеннее, чем здесь, рискуя каждую минуту быть прерванными. Ты посмотришь оба дома.

«Ну же, не будь лицемеркой. Ты так и не решишь ничего, сидя в этой гостиной».

– Очень хорошо. Пойду возьму шляпку.

Когда они покидали дом, она сказала служанке:

– Я уезжаю на прогулку с мистером Чаттертоном, Люси.

Не хочу беспокоить маму, скажешь ей потом, когда она спросит. Я, возможно, не приеду к обеду, если на обратном пути мистер Чаттертон решит заехать в Холл.

– Хорошо, мисс Лэнгли. – В глазах служанки плескалось любопытство. – Я не стану ее беспокоить.

«О боже, она, наверное, считает, что способствует моей любовной интрижке. Я бы сама хотела знать, что между нами происходит на самом деле. Может быть, не надо было вселять в него надежду? Но ведь я хочу выйти замуж и иметь детей. Если мужчина стоит моего уважения и нравится мне, не считаю, что навязываюсь ему в жены».

Она слабела перед его натиском и чувствовала это. Разумеется, она прекрасно видит и ценит достоинства Каллума Чаттертона. Он храбр и умен, успешно делает карьеру, при этом много работает, обладает твердым характером. Но нравится ли он ей настолько, чтобы выйти за него? Что скрыто за его непроницаемым панцирем, сквозь который пробивается лишь искорка чувственности? Может быть, он всегда был таким же холодным, лишенным эмоций и рассудительным сверх меры. Он сам признался, что не может сочувствовать другим. «Кажется, я хочу его. И безусловно, в нем нуждаюсь. Но может быть, не как в муже?»

Каллум уже ждал ее, стоя около двухместной коляски, запряженной парой лошадей. Она не увидела позади грума. Десять миль до Веллингфорда в открытом экипаже вдвоем с мужчиной – это будет немедленно всеми замечено.

– Может быть, ты считаешь для себя неприличным ехать без сопровождения, со мной вдвоем? – Наверное, он увидел сомнение на ее лице. – В Индии это было бы в порядке вещей, если мужчина уже представлен семье. Уверен, что твоя мать мне вполне доверяет, – добавил он, и она впервые увидела на его лице настоящую улыбку.

– Конечно, – согласилась она, и он подал руку, помогая ей сесть. – Мама одобрит любого мужчину, который сейчас проявит ко мне интерес, не говоря уже о таком кавалере, как ты, – добавила она и увидела, как на его лице промелькнуло выражение удовольствия.

Вчера она не была откровенна с матерью, когда та расспрашивала, зачем приезжал Каллум. Он заехал узнать о самочувствии Софии, просто визит вежливости, заверила она ее. Но теперь София почувствовала вину перед матерью.

Каллум передал ей поводья, обошел экипаж и сел рядом. Она отдала ему поводья, стараясь не дотронуться до его рук. Ей никак не удавалось выбросить из головы мысль о возможной физической близости. Эта мысль возникала всякий раз, когда она смотрела на него. А уж дотрагиваться…

– Ты уверен, что хочешь остаться в Англии? – спросила она, когда они выехали на дорогу, ведущую в Веллингфорд.

– Я не был уверен в этом, когда мы покидали Индию, но сейчас уже закрепил свое положение здесь. Один из директоров компании возвращался вместе с нами, мы разговорились, обсуждали и мою дальнейшую карьеру. Он тоже выжил

в катастрофе, и именно ему я обязан теперь своим положением.

– Думаю, ты это заслужил. Я рада, что ты останешься в Англии. Мне бы не хотелось воспитывать и растить детей в жарком климате Индии. Я много слышала о редких тропических болезнях, которые подстерегают там европейцев.

Она долгое время убеждала себя, что именно это являлось причиной того, что она не настаивала на браке с Даниэлем, довольствуясь многие годы положением невесты. Но потом поняла, что это было не так.

– О, так мы уже говорим о детях? – И она, задержав взгляд на его губах, снова увидела его улыбку, правда мимолетную. София поспешно отвела глаза в сторону. – Я могу считать это многообещающим началом?

– Не обязательно. – Он слишком быстро перешел к основному вопросу, и ей это не понравилось. – Я просто взвешиваю все аспекты твоего предложения.

– Значит, если я не вернусь в Индию, ты за меня выходишь, а если решу снова вернуться туда, то не выйдешь!

– Каллум Чаттертон, перестань меня дразнить! Я ничего подобного не говорила, и это не предмет торга.

– Ладно, тогда давай внесем ясность. Мне нужен наследник. Мне хотелось бы иметь несколько детей, по правде говоря. Но я не жду, что ты станешь жить в Индии и воспитывать там детей.

– А я не хочу жить отдельно от мужа, который будет остав-

лять меня одну на длительные сроки.

– Это для меня лестно, – весело сказал он, и она, как в детстве, толкнула его локтем в бок.

– Я не это имела в виду.

– Ну, ну… А я уж собрался сказать, что не стану покидать Англию без твоего одобрения. Видишь, какой я покладистый, и ты это скоро оценишь.

– Уже оценила, благодарю вас, сэр, – пробормотала она, и снова на его лице промелькнула легкая улыбка.

– А вот и поворот на Веллингфорд-Виллидж.

Этот дом – родовое наследство Даниэля. Здесь она стала бы жить, если бы Дан вернулся и она вышла за него замуж, подумала вдруг София.

– Я не был здесь много лет. Понятия не имею, почему бабушка оставила его Даниэлю, а тот, другой, – мне. Она сама жила здесь, а моя тетка Доротея, сестра бабушки, жила в Лонг-Веллинге. Тот дом сдавался до недавних пор, и, наверное, оба дома требуют ремонта. Но я не очень в этом разбираюсь.

– Краски и ткани подобрать легко. Важно, чтобы тебе понравилось.

Ее сердце забилось от такой перспективы. Наконец иметь собственный загородный дом, старинное поместье. «Я выхожу за мужчину, а не за дом, – одернула она себя. – Любой дом можно изменить, а вот такого упрямого и прямолинейного мужа, как Каллум Чаттертон, вряд ли. Впрочем, надо

думать об этом браке с точки зрения любви или даже привязанности. Это брак по расчету, удобный для обеих сторон. И придется привыкать к нему».

– Смотри, вон и он.

Каллум направил лошадей вверх, на гребень небольшого холма. Перед ними открылась красивая зеленая долина. Поля чередовались с небольшими рощами, а буковый лес венчал противоположный холм. Дымок поднимался из деревенских труб, а на склоне, прямо перед ними, стоял красивый кирпичный дом.

– Ну, что ты думаешь?

– Он выглядит таким… – София поискала слово, – чопорным и аккуратным. И на удивление симметричный.

Два окна по обеим сторонам входной двери, пять окон этажом выше и еще пять выглядывали из-под парапета на крыше. Подъездная дорога шла вокруг большой цветочной клумбы. Подсобные постройки располагались с обеих сторон дома, тоже с продуманной симметрией. Настоящий кукольный домик или домик, нарисованный ребенком.

– Тебе не нравится? – Каллум, наклонив голову набок, с любопытством наблюдал за выражением ее лица. – Для меня-то после Индии все выглядит как-то странно и непривычно. За исключением, конечно, родового гнезда – Холла, там я всегда чувствую себя дома.

– Может, посмотрим его изнутри?

– А это будет не слишком вызывающе? – спросил Кэл с

самым серьезным видом, но она понимала, что он над ней посмеивается.

– Семь бед – один ответ. Поездка с тобой вдвоем в открытом экипаже – это уже легкомыслие, а войти в пустой дом одной, с мужчиной, разумеется, и вовсе предосудительно. Но я все-таки рискну – очень уж хочется взглянуть, как там внутри. По крайней мере, смогу потом посоветовать тебе кое-что, если ты затеешь ремонт дома. *Твоего* дома.

Каллум пустил лошадей шагом, они спустились с холма, проехали по деревенской улице, вызвав немало любопытных взглядов, и поднялись по дороге на соседний холм, спускающийся к воротам.

Вблизи впечатление изменилось. Издалека аккуратное и безупречно симметричное строение тонуло в запущенном саду, дорога заросла сорняками, окна давно не мыты. Каллум подъехал к пустой конюшне, привязал лошадей и, предложив спутнице руку, повел ее к входной двери.

– Последние жильцы съехали два месяца назад, – объяснил он. – Уилл не стал его сдавать, ждет, когда я сделаю выбор.

– Это похоже на вторжение. – Оказавшись в холле, София огляделась и вздохнула. – Мне так и кажется, кто-то сейчас выйдет и спросит, что мы здесь делаем.

– У меня такое же впечатление. – Кэл широко распахнул обе створки дверей. – Странно, правда? Когда здесь жила бабушка, дом казался таким уютным и гостеприимным.

Комнаты очень хороших пропорций, с прекрасным видом из окон.

София последовала за ним:

– Надо осмотреть кухню и помещения для слуг.

Все выглядело очень неплохо. К ее немалому облегчению, Каллум не повел ее смотреть спальни.

– Очень хороший дом, – сказала она, когда они вернулись в передний холл.

– Но тебе не нравится.

– Разве во мне дело? – Она отвела глаза, чтобы избежать его испытующего взгляда. – А тебе?

– Не очень. Он немного… Угрюмый. Не представляю себе нашу жизнь здесь.

– А какие дома в Индии, на что они похожи? – спросила она, когда они направились к конюшне, – ей хотелось увести разговор от обсуждения брака.

– Европейцы живут в одноэтажных длинных строениях, называемых бунгало, с широкими тенистыми верандами с обеих сторон. На этих верандах они проводят обычно много времени. Когда я разбирался в тяжбах, то всегда сидел на веранде, а просители собирались во дворе передо мной. А по вечерам на верандах сидят за долгими беседами и прохладительными напитками.

Широкие окна прикрыты легкими жалюзи, пропускающими воздух, – продолжал он рассказ, – и легкий бриз гуляет в каждой комнате. На потолке огромный вентилятор, его при-

водит в движение специальный слуга. Он сидит в коридоре и дергает за веревку пальцами ног. Двери ванной выходят прямо на улицу, водонос может вносить туда воду с улицы, а потом уносить использованную. Кухни стоят отдельно – из-за жары и риска пожара. Слуги там очень дешевы, и поэтому европейцы быстро привыкают к ленивому образу жизни, – добавил он.

Вряд ли сам Каллум способен вести праздную жизнь. Сейчас, выздоровев после потрясения, он казался ей сгустком энергии. Или это было вызвано его нетерпением, подстрекаемым ее нерешительностью.

– Только подай знак, и тебя отнесут куда пожелаешь. Ты протягиваешь руку за стаканом, и кто-то тут же вкладывает его тебе в руку. Ты что-то забыл, и, увидев твою недовольную гримасу, слуга бежит за этой вещью с таким видом, будто виноват он, а не ты. Некоторые мэмсахибы – жены европейцев – постоянно бранят своих поваров, требуют, чтобы они готовили английские блюда. Лучше сразу привыкнуть к индийской кухне – это все упрощает.

– Значит, тебе понадобится индийская кухня и в Англии? – спросила София и подумала, до чего будет сложно объяснять несговорчивой английской кухарке или самонадеянному французскому повару, как готовить экзотические блюда, о которых и она сама не имела представления. «О чем ты думаешь? – одернула она себя. – Это не твоя проблема. Пока не твоя».

– Я всегда могу нанять себе повара-индийца, если захочу, – ответил он.

– Разумеется, – вежливо согласилась она и вдруг заметила в его глазах огонек, как будто он прочел ее мысли. – Ты снова дразнишь меня? Думаешь, я примеряю к себе твои возможные причуды?

– Причуды? Но приготовление пищи – одна из важнейших сторон жизни. Почти самая важная.

– А что важнее? – спросила она. – О нет, не отвечай. Я уже поняла.

– Не представляю, о чем ты подумала, – невинно отозвался он. Слава богу, он обладал чувством юмора, даже если использовал его лишь для того, чтобы ее поддразнивать.

Она вспоминала, какими были братья десять лет назад. Даниэль часто смеялся и шутил. Он ничего не принимал всерьез, разве что тогда, когда они оставались вместе. Каллум, вырастая, становился серьезнее, спокойнее. И делался более скрытным. А может, просто не хотел вмешиваться в дела брата.

Он и не вмешивался в их роман до того последнего дня, когда перед отъездом пытался отговорить ее от обручения. Почему он сделал это? В тот момент она была слишком возмущена его вмешательством, слишком расстроена отъездом Даниэля, чтобы задуматься над словами Каллума. Он был настойчив и, видимо, руководствовался интересами более легкомысленного брата. Любовь долго не продлилась – во

всяком случае, с ее стороны. О чувствах Даниэля она могла только предполагать.

София отогнала воспоминания, снова вернулась в реальность и увидела, что они едут по лесной дороге, начинавшейся позади дома.

– Как здесь красиво и таинственно! – сказала она, когда после солнечного света они въехали в густую тень. По сторонам стояли огромные буки, их гладкие серые стволы поднимались вверх, как колонны у входа в кафедральный собор. Многочисленные тропинки вели в глубь леса.

– Мне захотелось взглянуть, что здесь осталось с тех времен, когда я бывал тут ребенком.

Дорога стала шире и, свернув направо, вывела их на открытое пространство. Слева открывался вид на долину, оттуда мощеная дорога выводила к главному шоссе. Справа стоял дом. Он напоминал некий живой организм, накрепко связанный с окружающей природой, как будто корнями врос в землю… Дом из мягкого розового кирпича украшала отделка из белого камня, возможно украденного из руин какого-нибудь замка. Тут и там виднелись остатки дубовых рам, погнутых временем. Крыша из шиферной плитки со множеством каминных труб заросла мхом.

– Какая прелесть! – восхищенно воскликнула София и, не отдавая себе отчета, взяла Каллума за руку, на мгновение их пальцы переплелись. Как жаль, что руки были в перчатках! Ей захотелось ощутить его кожу, узнать, теплая она или

холодная, почувствовать, как бьется пульс. Она легонько пожала его пальцы, чтобы он разделил с ней восхищение.

– Мне он тоже нравится. Я его смутно помню, мы сюда редко приезжали, потому что тетя Летисия часто ссорилась с бабушкой и вообще была немного эксцентричной. – Он освободил пальцы, спрыгнул на землю и привязал поводья к дереву. – Пойдем взглянем, что внутри? Так же ли он приветлив, как снаружи.

– Ты тоже почувствовал это? – Это был добрый знак – им обоим нравилось одно и то же. «Я опять думаю о возможном союзе с ним как о решенном деле. Слишком быстро. Надо еще подумать. После этих девяти лет он для меня незнакомец».

Кэл подошел к ней, приподнял, обняв за талию, и она слегка задохнулась, увидев вблизи его потемневшие глаза. Потом он медленно опустил ее на землю, и ее туфли скользнули по его сапогам, а кромка платья задержалась на его бедрах. Сердце громко забилось, и она не могла решить, вызвано это ее нервами или влечением.

– Я уже стою, – напомнила она, потому что его рука все еще лежала на ее талии. Его большие пальцы слегка касались ее груди, и незнакомая дрожь пронизала ее тело. – Хотя не очень в этом уверена, потому что с тех пор, как ты снова появился в моей жизни, я не чувствую под ногами твердую землю, – призналась она, и он, засмеявшись, отпустил ее.

Кэл отпер двери огромным старым ключом, лежавшим

под камнем у тропинки, и отступил, давая ей войти первой. В доме, вопреки их ожиданиям, воздух был не спертый и не затхлый, там пахло старым деревом, чуть уловимым запахом лаванды и воска. Половицы скрипели под ногами.

И вдруг Софии стало спокойно и хорошо.

– Как мне нравится здесь, – повторила она, стоя в холле. – Такое впечатление, что дом радуется нам, обнимает нас, и от этого становится тепло и уютно. – Это прозвучало наивно, по-детски, но он не засмеялся, только взглянул немного скептически.

– Возможно. Он действительно как живой. Как корабль, вставший на якорь. – И добавил тихо: – Пойдем дальше?

Они бродили по старому дому, заглядывали в комнаты, раздвигали старые шторы, заглядывали в шкафы, ящики. Нашли потайную лестницу – она вела в какую-то комнату. Потом вышли в коридор, заглянули на кухню и увидели лестницу в подвал.

София схватила его за руку, вглядываясь в темноту:

– Ты не боишься туда спускаться? Помнишь, как мы играли в прятки в Холле? Я залезла тогда в винный погреб, а вы сделали вид, что не можете меня найти, и заперли меня там.

– А когда мы тебя освободили, помнишь, в чем ты нас обвинила? В том, что мы оставили тебя на съедение огромным волосатым паукам, которые жили среди древних скелетов, висевших на цепях.

– Я так и сказала – о скелетах? – София решительно от-

тащила его от лестницы, ведущей в подвал, и закрыла туда дверь.

– Нет, ты не сказала: ты кричала, потом швырнула бутылку лучшего папиного портвейна в голову Дана.

– А ты ее поймал.

– Разумеется. – Они немного помолчали, как будто что-то недосказанное повисло в воздухе – намек на большее, чем детские проделки. Каллум спас портвейн, а главное – спас брата от серьезной травмы головы, а ее от последующих страданий и угрызений совести. – Раз ты мне не позволила обследовать подвал, я предлагаю тебе подняться осмотреть спальни.

– Зачем?

– Взглянуть и оценить, в каком они состоянии.

– Но в Веллингфорде ты не осматривал спальни.

– Мы оба решили, что тот дом нам не понравился, зачем тогда осматривать спальни? – Он склонил голову набок и смотрел на нее, будто изучая. – Ты мне не доверяешь?

– Нет, – честно прозвучало в ответ.

– Моя милая София, если бы я собирался здесь тебя соблазнить, я мог сделать попытку в гостиной на софе, на кухонном столе, где угодно.

– Разве это было бы удобно? – Необычные и будоражившие воображение картинки немедленно промелькнули перед ней, а он, приподняв темную бровь, уже шагнул к ней, но София предупреждающим жестом выбросила вперед обе

руки. – О нет, ты не так понял мои слова. Это был не вызов. Хорошо, пойдем посмотрим, что там наверху.

Они вошли в огромную спальню. В центре стояла королевских размеров кровать под пологом, на четырех столбиках, из почерневшего старого резного дерева. Она была такая высокая, что забираться на нее надо было со специального стула.

– Ну и как тебе спальня? – Каллум остановился посреди комнаты, глядя ей в глаза.

– Она восхитительна, – призналась София, – я бы хотела для себя такую. Но не могу же я выйти за мужчину, потому что влюбилась в дом.

– Но это все-таки одна из причин, способных склонить чашу весов в мою сторону. Конечно, должны быть причины и более веские. Ты не разрешила бы мне тебя соблазнить в гостиной и на кухне, а как насчет спальни с такой внушительной постелью?

– Но ты же не станешь этого делать.

– Разве? – Он бросил перчатки и шляпу на комод и направился к ней.

– Но джентльмен не может так поступить. Он никогда не позволит себе соблазнить целомудренную леди. – Она старалась говорить спокойно, собрав все свое самообладание.

– Нет, если бы не собирался на ней жениться.

Она загородилась стулом, ухватившись за его спинку.

– Но я еще не согласилась на твое предложение.

– Верно. А как насчет поцелуя? Ты не против поцелуя, София?

– Пожалуй, не против, – храбро заявила она, и он растерянно моргнул, не ожидая такого ответа. – Не надо смотреть на меня так, будто ты потрясен. А если мне любопытно? Мне двадцать шесть, и меня не целовали по крайней мере в течение последних десяти лет. И перспектива поцелуя с красивым джентльменом, да еще таким опытным, меня заинтриговала.

– Ты всегда так прямолинейна?

– Надеюсь.

Конечно, это неприлично и неблагоразумно позволять Каллуму целовать себя. Ведь она даже не обручена с ним. Но все же ей этого хотелось, во всяком случае – последние часы.

Частично это было любопытство, как она уже призналась. Но и, конечно, сам Каллум привлекал ее. Несмотря на их легкую, хотя и двусмысленную перепалку, он был для нее закрыт. И не собирался открывать перед ней свою душу. Впрочем, София была уверена, что он станет хорошим мужем, и, если исключить моменты, когда ей хотелось его стукнуть, она чувствовала, что с ним будет легко. Может быть, дело тут в их общем детстве.

Закусив губу, она взглянула на застывшего в ожидании Каллума. Он терпеливо ждал, что она решит, – настоящий кот, подстерегающий мышь у ее норки.

– Может быть, мы устраним сначала это препятствие. –

Он показал на шляпку, и она неловкими пальцами начала развязывать ленты. – Если ты собираешься замуж, то должна знать, что будущий муж захочет тебя поцеловать.

Она отвернулась, не находя слов и не зная, что ответить. Смелость ее исчезла, она чувствовала себя потрясенной настолько, что потеряла остроту зрения – так бывало, когда во время лихорадки у нее поднималась температура: его лицо было близко, но черты расплывались.

– Но если ты чувствуешь неловкость и передумала…

– Нет, я хочу, чтобы ты меня поцеловал. – Она положила шляпку на комод. – Это всего лишь поцелуй. Немного преждевременно, но не то, чего стоит бояться. И это просто смешно – в моем возрасте не испытать настоящего поцелуя. Но этим и ограничимся.

– Я ждал, что ты это скажешь.

Она не успела понять, шутит он или, наоборот, серьезен, потому что он уже обнял ее и прижал к себе.

Глава 4

Это было необыкновенно приятное чувство – находиться в объятиях Каллума Чаттертона. Какая-то часть ее протестовала против такой близости с мужчиной, но было поздно, да и невозможно сопротивляться, оказавшись тесно к нему прижатой. Он приподнял пальцем ее подбородок, заглядывая в глаза. Что ж, она сама напросилась.

Он был необыкновенно хорош вблизи, еще лучше, чем она думала: теперь София близко видела красивые очертания губ, карие с зеленоватым оттенком глаза. Это был уже не хорошенький юноша, а красивый мужчина. Нос с горбинкой, волевое лицо с несколькими шрамами и легким загаром, который придавал его внешности некую экзотичность.

Он спокойно предоставил ей разглядывать себя, потом наклонил голову и прижался губами к ее губам. Она чуть не подпрыгнула от чувства неловкости и стыда, когда почувствовала, как его язык настойчиво проникает внутрь. Может быть, это нормально? Но она была так потрясена, что пошатнулась, словно земля ушла из-под ног, и сейчас же его руки сжали ее сильнее, удерживая уверенно и решительно.

Она могла теперь ощутить поцелуй на вкус, но, пожалуй, больше всего ее смутил исходивший от него запах – смесь чистой кожи, свежевыглаженной одежды, хорошего мыла, сандалового дерева, сквозь который пробивался дру-

гой, незнакомый и опасный – дразнящий мускусный запах, заглушаемый ароматом благовоний.

Он продолжал крепко держать ее, и ей стало немного страшно, инстинкт подсказывал, что надо сопротивляться: она напряглась, поняла всю безуспешность попытки и прекратила сопротивление. Он был слишком силен, а поцелуй тем временем становился все настойчивее, и теперь она просто сдалась и предоставила ему свободу действий. И вдруг поняла, что сама прижимается к нему, рот ее раскрывается и ее язык охотно встречается и соединяется с его языком. Тело, охваченное незнакомым желанием, требовало продолжения, появилось чувство тянущей боли внизу живота, оно заставляло вжиматься в него, как будто это могло ослабить ее боль. Его рука обвратила ее грудь и начала смело ласкать через тонкую ткань. Желание и томление пронзили ее с такой силой, что она застонала.

«Это больше, чем я ожидала. Гораздо больше», – промелькнуло в голове и сразу исчезло. Остался только этот мужчина, за которого она, возможно, выйдет замуж. Если выйдет. А потом и эта мысль исчезла, потому что София растворилась в поцелуе, целиком отдаваясь непреодолимому влечению, охватившему все ее существо, тому чувству, что заставляло ее прижиматься к его телу. Так вот что значит настоящий поцелуй. Он поглотил ее целиком.

– София?

Она очнулась. Оказывается, он уже прервал поцелуй. Но

сколько времени она простояла перед ним в полуобморочном состоянии? Что теперь он подумает о ней? Ей захотелось убежать и спрятаться, так стало стыдно.

– Тебя целовали раньше?

Она растерянно моргнула, постепенно приходя в себя, наконец, размытые черты его лица сфокусировались. Кажется, он был очень доволен собой и даже забавлялся ее растерянностью: потрясением старой девы от первого полноценного поцелуя.

– Вот так – еще нет. – Хорошо, что язык ей повиновался, и ей удалось выговорить это, хотя и с легким затруднением.

– Дан никогда…

– Разумеется, нет. Мы целовались, это было иначе. Мы держались за руки и целовались, но легко и невинно. Однажды он дотронулся до моей груди…

Она почувствовала, что неудержимо краснеет. И вдруг ей захотелось, чтобы он поцеловал ее вновь и снова дотронулся до нее. Кажется, он понял это. Наверное, ему жаль ее, бедную старую деву, которую никто не целовал, как никому не нужную.

Постепенно сердце стало биться ровно. И хотя у Софии не было опыта, она поняла, что он возбудился. Что же он теперь о ней думает? Что она отчаянно изголодалась по мужской ласке или просто потенциальная распутница, которая отвечала на поцелуй со всей страстью… дрожа от его прикосновения.

И София вдруг разозлилась и на него, и на себя. Как глупо она себя вела, показывая свою слабость и неопытность, непростительную в ее возрасте и смешную! Как далеко она могла зайти, если бы он не прервал поцелуя?

– София, с тобой все в порядке? – как будто издалека услышала она его голос.

– Нет. Не думаю. Что ты со мной сделал?

– Поцеловал тебя. Между нами возникло взаимное притяжение. – Он, кажется, не скрывал, что это обстоятельство его немало позабавило и удивило. – Это называется физическим влечением, если угодно – страстью, ничего необычного.

– Ничего необычного… – передразнила она. – Я, очевидно, наивна и несведуща, не похожа на тех женщин, с которыми ты имел дело, поэтому и не поняла. – И добавила с горечью: – Но я не хотела страсти. Я просто хотела приличного поцелуя. А ты обошелся со мной нечестно, в сущности, подверг насилию, – прошипела она с ненавистью и вдруг хлестнула его по лицу, сильно, словно хотела стереть понимающую ухмылку с красивого лица. Она была тоненькой, но высокой и не хрупкой и вложила все свое смятение в пощечину, которая заставила его пошатнуться, что она и заметила с удовлетворением.

Он потрогал щеку:

– Поцелуя в приличной манере? Нет, это был поцелуй, которым обмениваются любовники. Или женатые пары. Если бы я хотел овладеть тобой, мы бы оказались сейчас в этой

постели.

Не слушая более, она повернулась и поспешила вниз, на воздух, на солнце. Придется еще полчаса сидеть рядом с ним, чувствуя тепло его тела, вспоминая свое влечение к нему. И видеть, что он ухмыляется, думая, как раздразнил эту старую девственницу, довел до такого жалкого состояния.

Лошади подняли голову и нетерпеливо переступили, увидев ее, и это заставило Софию задуматься. А может, не стоит все это терпеть? Она уже правила одноконной коляской. Справится и с парой лошадей. Они казались хорошо вышколены и, вероятно, будут послушны.

Она подбежала к коляске, распутала поводья, уселась на место кучера. Немного запуталась в двух парах поводьев, но потом вспомнила, как держал их Каллум.

– Какого дьявола ты делаешь? – Он вышел из дома и теперь спешил к ней через лужайку. – София!

– Уезжаю. – Она прищелкнула языком, и лошади тронулись с места.

Каллум уже бежал к ней. Она легонько шлепнула по спинам лошадей поводьями, они послушно затрусили и вдруг разом перешли в легкий галоп. Коляска понеслась по проселочной дороге, она слышала позади крики, но все ее внимание было сосредоточено на том, чтобы не перевернуться. Теперь дорога, слава богу, пошла вверх. Перевалив через вершину холма, лошади перешли на равномерную рысь. Она

больше не осмеливалась их подгонять. Теперь можно было спокойно подумать о том, что произошло. Он не должен был так ее целовать. «Но ведь сначала спросил ее разрешения», – пробивался сквозь ее праведный гнев тонкий голосок разума. Это ошибка, не надо было соглашаться, тем более что она совершенно бесстыдно отреагировала на такой поцелуй. Хуже того, ей хотелось большего.

Слабая улыбка тронула ее губы. София сделала открытие – оказывается, до сих пор она себя не знала. И теперь была напугана своей страстностью. Его брат никогда не вызывал в ней такого влечения, такого желания раствориться в нем. Она не в силах была контролировать себя. Вспоминая их объятия с Даниэлем, она не могла припомнить, чтобы стонала от наслаждения под его руками. Те джентльмены, которых она встречала на скромных вечерах, никогда не делали попыток ее соблазнить. Она уже ехала по деревенской улице, а ее тело все еще помнило его прикосновение и жаждало большего. Она пыталась игнорировать его голос. Хотеть большего означало полностью сдаться на милость мистера Чаттертона.

Что за странная женщина! Он остановился на вершине холма, оглядывая местность и деревенскую дорогу внизу, и с облегчением отметил, что нигде не видно перевернутого экипажа. С удовлетворением он отметил и то, что, хотя пробежал милю, дыхание не сбилось. После похорон он уехал в

Лондон и, выйдя из летаргии, в которую погрузился после катастрофы, занялся боксом, фехтованием, верховой ездой. И сексом. Все это помогло ему быстрее залечить раны, внесло в жизнь равновесие и вернуло силы.

Каллум снова оглядел дорогу. Если она так да леко уехала, значит, справилась с парой и сможет самостоятельно добраться домой. Он специально выбрал спокойных, хорошо выученных лошадей, потому что хотел все внимание сосредоточить на Софии. Теперь можно больше не беспокоиться, что она сломает шею только потому, что он ее поцеловал. Она оказалась настолько невинной, что настоящий поцелуй потряс ее, отсюда и такая реакция.

Он совсем не хотел ее оскорбить. Продолжая думать о Софии и о том, что произошло, Каллум направился к деревенскому постоялому двору. Действительно, что произошло? Он хотел уговорить ее, дать понять поцелуем, что брак с ним не так уж страшен. А когда она затрепетала в его объятиях и он почувствовал этот ответный порыв, сам несколько потерял контроль и позволил себе больше, чем намеревался. Ему могло польстить, как она отреагировала на его объятия, если бы не сознание, что у нее это было впервые и поэтому новизна ощущения ее потрясла. Но надо признать, что он и сам не остался равнодушным. Возбуждение до сих пор не покидало его при воспоминании о том, как близко и податливо было ее тело. Возбуждение оказалось таким сильным, что превратилось в навязчивое желание, – ему нужна была жен-

щина. Но не любая. *Эта* женщина. Он хотел Софию Лэнгли и хотел ее сильно.

Стоя на постоялом дворе, он пробормотал по-индийски: «Глупец или еще хуже».

– Сэр? – Из конюшни вышел конюх, глядя на него в недоумении и не понимая, что делает здесь джентльмен.

– Я не тебе! – Каллум опомнился и сменил тон. – Мне нужна лошадь, чтобы добраться до Флэмборо-Холл. Потом грум пригонит ее вам назад.

Конюх ничего не мог понять и продолжал подозрительно смотреть на него: почему джентльмен вдруг оказался у них – пеший, в таком виде и, скорей всего, без денег в кармане? Хочет взять лошадь – не экипаж, а лошадь.

Каллум медленно ехал домой и думал, что пытался быть с Софией честным. Он не хотел и не имел права полюбить, чтобы потом не рисковать. Именно не рисковать, потому что нельзя быть ни в чем уверенным в этой жизни: он уже потерял близкого человека и не хочет потерять вновь. А она, интересно, понимает разницу между страстью, физическим влечением и настоящей привязанностью? Он не хотел делать ей больно, не хотел и разбить ей сердце второй раз – ведь она уже потеряла жениха. И все же… Скупая улыбка тронула уголки рта при воспоминании, с какой страстью она отдавалась его поцелую и объятиям.

Ясно было: несмотря на полное отсутствие опыта, она чувствовала себя в его объятиях просто великолепно.

* * *

Он все еще предавался этим приятным мыслям, когда подъехал к Холлу и бросил поводья подбежавшему груму.

– Я взял лошадь в «Черном лебеде», в деревне Лонг-Веллинг. Пусть кто-нибудь отгонит ее обратно.

– Конечно, сэр. Мисс Лэнгли была здесь и вернула экипаж, сэр. Уилкинс повез ее домой.

– А! Она выиграла наше пари! – весело рассмеялся Кэл. – Надеюсь, вы с Уилкинсом будете молчать о моем проигрыше?

Он вошел в кабинет Уилла, его тело все еще было полно воспоминаний, довольно интригующих и только временно укрощенных длительной физической нагрузкой.

– Вот и ты! Как дела? – Уилл поднялся ему навстречу, отложив в сторону перо, лицо его просветлело. – Ты выглядишь гораздо лучше, даже появился румянец на щеках. София сказала «да»?

Уилл с энтузиазмом встретил идею брата жениться на Софии. Кэл подозревал, что старший брат всегда беспокоился о семье Лэнгли, даже хотел помочь им, но не смог, натолкнувшись на стену вежливого отказа.

Кэл невольно устремил взгляд на портрет над камином – три брата вместе. И посередине Дан, именно его любила Со-

фия. Потом спохватился, что Уилл все еще ждет ответа.

– Сначала она сказала: «Возможно». Потом мы поехали осмотреть дома, и нам больше понравился тот, что в Лонг-Веллинге. Потом кое-что произошло, и теперь я не знаю, что будет дальше.

– Что произошло? – Уилл вопросительно поднял бровь.

– Ничего особенного, – спокойно ответил он на вопросительный взгляд брата, – но тем не менее она выйдет за меня, хочет она того или нет. – И снова взглянул на портрет. Дан улыбался, и этого было достаточно, чтобы вызвать в памяти эффект присутствия: показалось, что брат слушает сейчас их разговор. И снова Кэл ощутил внутри зияющую пустоту. Надо постараться не думать об этом. – Я ей дал время подумать. У нее есть ночь, завтра утром узнаю ответ.

Он не сказал, что его так и под мывало сейчас же ехать к Лэнгли и все выяснить, но годы, проведенные в Индии, где он занимался торговыми контрактами, приучили его к терпению: он прекрасно знал, как важно сделать паузу и заставить партнера беспокоиться. Кончится тем, что он сам предложит то, от чего раньше отказывался. Так и с Софией: сейчас она рассержена и смущена, но к утру опомнится – сделка состоится.

«Мне нужен наследник, и я хочу нескольких детей», – сказал он ей, но, пока эти слова не слетели с языка, он не осознавал, насколько глубоко было его желание иметь свою семью, не только наследника. И она говорила о детях так, что

можно было подумать: она тоже к этому готова. Он снова взглянул на портрет. Жена и дети. Новые заложники судьбы.

Молчание прервал Уилл:

– София заслужила счастья.

– Разумеется, – согласился Кэл. Он постарается, чтобы она была довольна им, если только не станет требовать любви.

София в нетерпении расхаживала по спальне. Потом присела на край кровати. «Я скажу «нет», – решила она. Это ужасно: он заставил ее почувствовать, что она просто перезрелая девица, которая мечтает о любви и жаждет ее. Но ему она безразлична. Он играет с ней, и она покорно позволила вести эту игру. Разумеется, его самого этот поцелуй никак не тронул. Мистер Чаттертон прекрасно знал, что делает. В постели он не разочарует женщину, у него накопился огромный опыт, и его искусство в любви очевидно.

Мужчина, если любит женщину, будет тронут ее неопытностью, признателен ей за невинность и попытается хранить ей верность. Но это будет брак не по любви, а по расчету, и при таких обстоятельствах жене придется смириться с тем, что у мужа будут любовницы.

Но это несправедливо. А разве сама жизнь справедлива? Она больше не молоденькая девушка, которая грезит о сказочном принце, но все же откажет ему: он слишком задел ее самолюбие, заставил испытать унижение. Хуже всего, она

сама вдруг возжелала его любви так страстно, что это невозможно было скрыть. Хотя были моменты, когда ей нравилось просто быть с ним рядом – с ним легко и просто. Он может заставить ее полюбить себя, потом наступит разочарование, потому что сам Каллум не собирается подпускать ее близко, он не раскроет перед ней душу. Он напомнил ей о Даниэле, о тех далеких счастливых годах и ее неспокойной совести.

София распахнула окно и, положив локти на подоконник, вздрогнула, когда холодный ветер ворвался в комнату. Но он охладил ее разгоряченную голову, и сразу наступило отрезвление. Она может негодовать, проклинать и строить планы мести по поводу Каллума Чаттертона и его отношения к ней. Но невозможно скрыть от самой себя, что благодаря ему ей удалось лучше разобраться в себе. Оказывается, она натура страстная, эмоции дремали в ней, до сих пор не разбуженные и никому не интересные.

Она ему откажет. Но если даже найдет работу, ей никогда не выплатить долги и не сделать жизнь матери относительно комфортной. Придется продать дом, отдать долги и осесть где-нибудь в глуши всем вместе, там, где найдет приход Марк. Если же она выйдет за Чаттертона, весь мир распахнется перед ней, откроются возможности для Марка, а ее мать будет совершенно счастлива, не потеряв, а повысив свой статус, она обзаведется собственной семьей и детьми.

И найти другую, такую же блестящую партию в ее возрасте здесь, в глуши, без всяких связей и без выездов в свет невоз-

можно.

София вернулась в комнату, взяла альбом и стала рисовать. Изобразила внутреннее убранство церкви, длинный проход по центру, и там, на дальнем конце, у алтаря, стоит мужчина и ждет ее, черты лица неопределенны.

– Миссис Каллум Чаттертон, – произнесла она. – Кажется, мне надо привыкать к этому имени.

Глава 5

К трем часам следующего дня София с трудом сдерживалась, чтобы не метаться по гостиной, как животное, запертое в клетке. Где же Каллум? Никаких признаков – ни его самого, ни записки, ничего. Может, он передумал после вчерашнего инцидента и ее пощечины? Она оскорбила его да еще взяла лошадей и оставила его в лесу, что было глупо. Разумеется, он решил, что долг долгом, но с него довольно.

Когда часы отбили еще полчаса, она не выдержала:

– Пойду прогуляюсь, мама. – София засунула в корзинку незаконченное рукоделие, надела дере венскую соломенную шляпку и выбежала из гостиной. Затем вышла из ворот, сама не зная, куда направиться.

Тропинка вела через поле в лес. Не глядя по сторонам, поскольку мимо дома почти никто не ездил, она шагнула вперед и слишком поздно услышала дробный стук копыт мчавшейся лошади. Всадник натянул удила, отворачивая в сторону, но лошадь все-таки задела ее, и от этого толчка София отлетела в сторону и с размаху шлепнулась прямо в грязь на обочине. Ошеломленная, в шляпке, съехавшей на глаза, она сидела, с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать. На ней было лучшее платье, она надела его сегодня специально, ожидая окончательного предложения руки и сердца. Ей было больно, сердце бешено колотилось, и она чуть не плакала.

Ее подняли с земли знакомые сильные руки.

– Какого дьявола?! Ты смотришь, куда идешь? Я мог тебя убить! – Кэл был разъярен и напуган не меньше ее.

– Вы слишком быстро ездите, мистер Чаттертон, – ответила она с вызовом. – Не можете удержать свою лошадь, как и свое вожделение?

Глаза его прищурились, рот превратился в сердитую линию, вид у него был такой, что она вдруг испугалась.

– Куда ты шла?

– Просто гуляла, с твоего позволения. – Он все еще крепко держал ее выше локтя. – Ты не можешь меня отпустить?

Он игнорировал ее просьбу:

– Почему ты не дождалась меня?

– Ждать вас, мистер Чаттертон? Почему я должна была вас ждать? Надеюсь, вы не собирались совершить новое нападение на мою невинность в моем собственном доме? – Она не понимала, почему вдруг этот мужчина вызвал в ней вчера такой вихрь неведомых ранее желаний.

Да, так было и, похоже, происходит снова, она близка к тому состоянию, когда таяла вчера от его прикосновения.

– Ты должна была ждать меня, чтобы уладить дело окончательно и обговорить приготовления к нашей помолвке. – Он уже успокоился, голос звучал деловито и ровно. Кажется, она вообще не способна заставить его повысить голос, выказать какие-либо эмоции, даже когда он сердит.

– О, так ты все еще собираешься на мне жениться?

«Слава Богу».

– Вы собираетесь еще долго меня провоцировать, мисс Лэнгли?

– Да, собираюсь. – Она вздернула подбородок. «Я могу выйти за него, и при этом не обязательно он должен мне нравиться».

– И чего же ты добиваешься, хотел бы я знать? – Голос его стал вдруг вкрадчивым, и по его глазам стало ясно: он прекрасно понял, что она чувствует. Глаза его сузились, и губы искривились в усмешке.

– Хочу увидеть подлинные чувства! – вспыхнула она. – Не холодный расчет, не чувства долга, не кратковременное вожделение и не сарказм. Хочу знать правду. Вы действительно хотите жениться на мне, мистер Чаттертон? Я должна вам напомнить то, что говорила раньше: у нас значительные долги, и мой брат не в состоянии их покрыть в ближайшем будущем.

Вопрос повис в теплом воздухе. Каллум улыбнулся:

– Да, я хочу жениться на тебе, София. Я считаю, это будет верным решением. И мы сможем с тобой поладить. Не стану притворяться, что влюблен в тебя, не буду обещать, что когда-нибудь полюблю. И не спрашиваю тебя, любишь ли ты меня, потому что прекрасно понимаю: невозможно сразу изменить своим чувствам и забыть прежнюю любовь. Но в любом случае я считаю, что любовь – это проходящее чувство. Но я постараюсь быть хорошим мужем. И я все знаю о ваших

долгах.

При упоминании о Даниэле София почувствовала укол совести. Лучше думать о том, какие чувства Каллум вызвал в ней вчера. Стыдно, но сегодня она чувствует то же самое. Так хочется коснуться его, почувствовать под рукой сильные мышцы, вдохнуть снова такой опасный и влекущий запах его кожи и ощутить вкус его губ. Она выйдет за него и будет вознаграждена в своих желаниях при исполнении супружеского долга. Значит, ее толкают на этот брак не только нужда и страх за будущее семьи, и она правильно поступает, потому что существуют и другие причины.

София отвернулась, чтобы лицо не выдало ее, но он схватил ее за плечо, заставил повернуться и посмотреть ему в глаза, одновременно развязывая спутавшиеся ленты и снимая с нее шляпку. Потом осторожно коснулся ее волос, и она закрыла глаза, чувствуя запах кожаной сбруи, лошади и еще тот, который означал теперь – *Каллум.*

– Я хочу жениться на тебе, София Лэнгли, потому что считаю, что так будет лучше для нас обоих. И еще я хочу жениться на тебе, потому что обещал своему брату позаботиться о тебе, если с ним что-нибудь случится. И я верю: ты знаешь, что выйдешь за меня, и поэтому злишься, тебе не нравится, что кто-то диктует, как тебе поступать, а обстоятельства подталкивают к этому браку. И еще потому, что я был вчера груб.

– Я… – Он, кажется, идеально подвел итог. Какой умный

и понимающий. – Мне даже нечего добавить, сэр.

– Я так и думал. Этого я и добивался. Теперь ты можешь сказать «да», – предложил он.

– Да. Да, я выйду за тебя, – сказала она и испытала странное чувство, будто сдавалась на милость победителя. Смешанное чувство облегчения и страха.

– Превосходно. – Он склонился к ней, и она закрыла глаза. Кэл поцеловал ее, легко коснувшись губами щеки.

У нее невольно вырвался возглас удивления и разочарования, хотя его сильные руки все еще были на ее плечах. Открыв глаза, она увидела близко его глаза и прочитала в них довольную усмешку. «Он знает, что я жду его поцелуя. Как унизительно».

– Позже, София, – пробормотал он.

– Ты знаешь, как меня поддразнить. – Ей стало вдруг смешно. В это время позади них раздался шорох, но он не отпускал ее. – Чем дольше ожидание, тем больше вознаграждение, – тихо произнес он.

– *София Грейс Миранда Лэнгли!*

– Мама!

Какой ужас! Она представила картину глазами матери: дочь стоит без шляпки в объятиях мужчины посреди дороги, на виду, в любой момент кто-нибудь может ее увидеть, – платье в грязи, волосы спу таны.

– Слава Создателю! – воскликнула миссис Лэнгли. – Прекрасная новость!

– Мама?

– Идите оба в дом, пока кто-нибудь не показался на дороге. – Она хлопнула в ладоши и расставила руки, будто загоняя цыплят.

Каллум с поклоном подал Софии ее старую соломенную шляпку, взял поводья, перекинутые через забор, надел шляпу, которую, оказывается, и не выпускал из рук, и открыл перед ней калитку. Элегантный, серьезный и нисколько не смущенный.

Если бы он сейчас скривил губы в своей усмешке, она могла бы… Но нет, он не сделает такой ошибки. Не станет омрачать свой триумф.

– Благодарю вас, мистер Чаттертон, – благовоспитанно поблагодарила она.

– Готов вам услужить всегда, мисс Лэнгли.

– Я упала, – объяснила она матери. – Пойду переоденусь. – И она бросилась наверх, предоставив ему самому преподнести новость матери. По крайней мере, не придется присутствовать при экзальтированных восклицаниях, ярких выражениях восторга, которые последуют за этим, но наверняка уже ослабеют, когда она вернется в гостиную.

– Вот и ты, наконец! – После довольно долгого отсутствия София спустилась вниз – в свежем платье, причесанная, обретя вновь присущее ей самообладание. При виде дочери мать просияла лучезарной улыбкой. – Ну, теперь надо мно-

гое обсудить, ведь приготовления к свадьбе требуют серьезного отношения. Впрочем, у нас впереди по крайней мере месяц или больше, – заявила миссис Лэнгли.

– Я собираюсь жениться через две недели, – сказал Каллум вежливо, но твердо.

– Но тогда времени просто не остается! – удивилась даже София.

– Мне казалось, у тебя были годы, чтобы подготовиться. – Он слегка приподнял бровь и продолжал, не дожидаясь ее ответа: – Завтра я еду в Лондон, меня ждут неотложные дела в компании. Заодно надо приготовить дом к твоему появлению. Я поговорю с дворецким и попрошу его подыскать тебе горничную. Потом сделаю необходимые покупки. И вернусь в Холл на свадьбу.

Миссис Лэнгли лишь молча заглянула в его глаза и поняла, что спорить бесполезно: в них не было и намека на колебание, его длинные пальцы не дрожали – никакого волнения.

– Это твой брак, твое будущее, а ты говоришь о нем так спокойно. Как можно быть таким равнодушным?

Но, как будто не слыша ее, он продолжал невозмутимо:

– Свадьба будет простой и, в силу печальных обстоятельств, без шумного сборища. Шесть месяцев прошло, но София еще в полутрауре, поэтому не будет никаких объявлений и писем с приглашениями. Впрочем, я не хочу, чтобы пошли слухи, поэтому обойдемся небольшим количеством гостей и нашей многочисленной родней с моей стороны. Две

недели – достаточный срок для переезда сюда вашей кузины, миссис Лэнгли? София сказала, что это для вас приемлемая компания.

– Да, дорогая Летисия приедет в любое время и будет в восторге. Но свадебное платье Софии…

– Она может купить все, что нужно, в Лондоне.

– Как романтично, – пробормотала София и по тому, как снова приподнялась его бровь, поняла, что он услышал. И уже громко сказала: – А если мне не понравится твой дом в Лондоне или слуги? – «Ах ты, невыносимый, равнодушный и самоуверенный человек». И добавила с отчаянием: – Но мне понравился дом в Лонг-Веллинге.

Во всяком случае, недалеко жили ее немногочисленные друзья в любимом городке Сент-Элбанс. Что она будет делать совсем одна в Лондоне, имея только номинального мужа, которого будет видеть лишь время от времени.

– Мой бизнес требует моего присутствия в Лондоне, – сказал он не терпящим возражений тоном, как о деле давно решенном. – А дом в Лонг-Веллинге сначала надо привести в порядок. Потребуется время, прежде чем мы сможем пользоваться им как загородным поместьем. Если тебе не понравится мой лондонский дом, мы переедем в другой. Если прислуга тебя не устроит, мы наберем новый штат, который тебя устроит.

«Но мы не можем заменить друг друга, если нам не понравится быть вместе. Интересно, с Даниэлем было бы то

же самое? Он был бы для меня таким же незнакомцем, как Каллум, плюс еще разочарование, потому что наша любовь давно испарилась, ее убило время и расстояние. Что ж, по крайней мере, сейчас не существует иллюзий – все предельно ясно».

– И ты не станешь возражать? – Ей стало любопытно, как далеко она может зайти в своих капризах, испытывая его терпение, если только ему не все безразлично – и она, и дом, и все, что связано с браком.

– Домом и прислугой будешь распоряжаться ты, – заявил он.

Скорее всего, ее ждет одиночество в браке. «Хватит, София, – одернула она себя. – Придержи свой язык и смири свой характер. В Лондоне будут званые ужины, балы, приемы гостей, потом начнется сезон, откроются музеи, театры, библиотеки. Весь Лондон будет к твоим услугам, ты давно мечтала об этом. А друзья скоро появятся».

Она была еще под впечатлением вчерашнего происшествия и сегодняшнего смешного падения, поэтому несколько утратила способность к сопротивлению. Да и последние месяцы непрерывного беспокойства по поводу кредиторов сыграли свою роль.

– Все это чудесно, – вежливо улыбнулась она.

Кэл посмотрел на нее внимательно, но промолчал. Потом отдал легкий поклон в ее сторону, видимо в знак благодарности за то, что она перестала спорить и они пришли к со-

глашению. Но на его условиях. Что им движет? Мимолетный каприз, желание овладеть ею или просто упрямство в достижении цели? Что ж, он добился своего.

Улыбка замерла на ее губах. Он сидел напротив, опустив глаза, и она не могла прочитать в них, о чем он думает. Но вот его взгляд устремился на нее, и в заблестевших карих глазах она вновь прочитала то же неприкрытое вожделение, какое она заметила в Лонг-Веллинге. Что ж, взаимное влечение и станет основой их брака. София вздрогнула.

Хор мальчиков с невинными, чисто отмытыми лицами, обращенными к витражам на восточной стене церкви, исполнил последнюю строку гимна и затих. И ангелы сразу превратились в обыкновенных веснушчатых деревенских мальчишек, которые подталкивали локтями друг друга, стоя на хорах церкви.

А под белыми одеяниями в их карманах, скорее всего, спрятана мышь или рогатка, весело подумал Кэл, наблюдая за ними. Естественное стремление шалить с трудом сдерживалось в стенах церкви. Рядом с ним кашлянул Уилл, а София закрыла сборник церковных гимнов.

Через минуту они покинут свои места рядом с алтарем, пройдут по проходу и пожмут руку викарию, который их обвенчает в ближайшие три дня.

«А мы с Уиллом сегодня вечером напьемся», – подумал Кэл. Он устал и не просто устал, был вымотан после сума-

сшедших дней, бессонных ночей и многих миль, проведенных в дороге между Лондоном и Холлом.

Сейчас больше всего на свете ему хотелось выспаться и скорее покончить с этой свадьбой. Он сделал все, что от него требовалось. Компания работает отлично, он занимает высокий пост, получает вдвое больше, чем в Индии. Он вложит хорошие деньги в дело, с выгодой для себя, и теперь от него требовалось лишь соблюдение интересов компании.

Он произвел перестановку в доме, расположенном в фешенебельном районе Мейфэр, чтобы достойно принять хозяйку. Рента была высокой, в два раза больше, чем в Сити, но они собирались войти в высшие лондонские круги, и тут уж не стоило мелочиться. Он дал карт-бланш своему деловитому дворецкому в выборе горничной для госпожи и, отдав все необходимые распоряжения, вернулся сюда и вынужден был выдерживать утомительные обсуждения с миссис Лэнгли по поводу будущей свадьбы.

Каллум шел по дорожке церковного двора, слыша рядом шелест шелка, потом взглянул на Софию, молчаливую, в своем платье цвета лаванды. Он придержал калитку, пропустив ее, потом предложил ей свою согнутую в локте руку, и так они стояли в ожидании экипажа. Мимо проходили с поздравлениями прихожане, они пожимали им руки и вежливо выслушивали общее мнение о том, какой ужасной трагедией для семьи была гибель его брата и что это благословление свыше, что он утешит теперь мисс Лэнгли, которая нашла

силы отложить свою скорбь, чтобы выйти за него.

Никому, кажется, и в голову не приходило, что она выходит не за *того* брата, с которым была помолвлена. Они считали, что это вполне логичное решение. Никто не осуждал ее, наоборот, отойдя подальше и думая, что их не слышат, они говорили, как мило с его стороны жениться на *бедняжке мисс Лэнгли* и тем самым спасти ее от участи старой девы.

Он был уверен, что она слышит эти шепотки за спиной. София высоко держала голову, щеки ее пылали, и глаза сверкали, но не от обиды и досады, а скорее от гнева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.